

4.2. ИНТЕРВЬЮ С Б. Д. ЭЛЬКОНИНЫМ*

Борис Данилович ЭЛЬКОНИН

Доктор психологических наук, профессор.

Зав. лабораторией психологии младшего школьника Психологического института РАО.

Президент Международной ассоциации «Развивающее обучение».

Главный редактор журнала «Культурно-историческая психология».

Профессор магистерской программы «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании» в МГППУ.

– *Расскажите, Борис Данилович, какие этапы Вашей жизни и профессиональной деятельности связаны с Василием Васильевичем?*

– На 4-м курсе психфака МГУ я, будучи уже давно знаком с Василием Васильевичем неформально, слушал его спецкурс, который назывался «Теория учебной деятельности». Мы, студенты, конечно, Василия Васильевича очень уважали. Лекция хороша тогда, когда у лектора или профессора есть «высшие психические функции», т. е. когда он говорит и в это же время думает. Это притягивает, становишься вовлеченным в это действие. Василий Васильевич ни в одном своем высказывании не был «граммофоном», он никогда не транслировал, а всегда думал, глядя на человека.

В 1972 году, уже после окончания университета, я стал сотрудником в его лаборатории. В этой лаборатории я проработал до 1990 года, потом ушел в докторантуру.

В том году, когда Василий Васильевич скончался, за месяц до того, я у него был, он тогда был вице-президентом Российской академии образования. Я просто пришел поговорить к нему без каких-

---

* Интервьюеры – Мария Лустина и Ксения Липартелиани, выпускники магистерской программы «Школьная психология» ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

то служебных вопросов. Поговорили о его планах (их было множество), о моих планах, выпили по рюмке. Я с ним «нос к носу» общался более 18 лет, и выбрать что-то более запоминающееся мне трудно. Мы с ним часто спорили, и он ругался, я ведь не был никогда «учеником», но всегда старался понимать способ мышления... Давыдовского мышления.

Мы с ним очень хорошо проводили время на съезде психологов в Тбилиси, это был 1971 год. Василий Васильевич был мне как наставник, от слова «ставить», «установить», т. е. тот, кто делает тебе позвончик и его «раскачивает», т. е. вводит тебя в «пробное» пространство.

– Борис Данилович, Вы сказали, что были давно знакомы с Василием Васильевичем неформально, могли бы Вы поделиться с нами этой историей знакомства?

– Первое мое яркое воспоминание связано с празднованием на нашей квартире с коридорной системой в 1964 году 60-летия Даниила Борисовича. В первый день пришло условно «второе поколение» выготскианцев: Петр Яковлевич Гальперин, Алексей Николаевич Леонтьев, Александр Владимирович Запорожец... Друзья. А во второй день – лаборатория Василия Васильевича. В 1962-м Даниил Борисович передал Лабораторию психологии младшего школьника Василию Васильевичу. И пришли люди в таком составе: Яков Александрович Пономарев, у него были первые работы по внутреннему плану действия, но мало кто сейчас знает эти работы по творческому мышлению; Лада Иосифовна Айдарова, она начинала изучение языка; Аэлита Капитоновна Маркова, Евгений Евгеньевич Шулешко.

– Какие свои профессиональные черты Вы бы связали с именем Василия Васильевича?

– Азарт. Одним словом, он был азартным и в то же время предельно систематическим человеком. А я – только азартный (*смеется*).

– Каким Василий Васильевич был в жизни, когда общался со своими коллегами, друзьями? Как Вам кажется, что он ценил в людях больше всего?

– Я вам скажу его любимое слово из того, что он мне говорил. Он иногда говорил о тех, кто ему не нравился: «Боря, это мрачный тип!». Он мрачность не любил, а свет, такую удасть, причем не удасть Стеньки Разина. Азарт любил как естественность мышления, естественность веселья, также и естественность страдания (ему много приходилось страдать). Он любил естественность, а вот натянутую мрачность не любил.

– *Какие идеи и взгляды Василия Васильевича стали для Вас особенно ценными?*

– Проба, общество, содействие. Все основные идеи – учебная задача, моделирование, – положенные в основание учебной деятельности. Василий Васильевич был человеком свободы, вот это был его вектор. Свободы, но не воли. Вместе с этим он был человек предельной строгости, прежде всего в тексте. Первое, что бросается в глаза в его работах, – это строгость текста. Он долгое время был редактором журнала «Доклады АПН РСФСР». Он говорил о строгости следования и, главное, в учебной деятельности – о пробе, я цитирую: «Нет проб и ошибок, а есть проба», т. е. преобразование, эскиз преобразования.

Он очень уважал учителей, он был прямым учеником П.Я. Гальперина и все время с ним спорил. Спорил, любя его страстно и уважая. Он уважал его в натуре, т. е. не искусно. А еще его отличала искренняя веселость. С одной стороны, строжайшее уважение, а с другой – не подростковый, а осмысленный напор.

Владимир Петрович Зинченко говорил, что Давыдов – тот редкий человек, который занимается тем, что сам умеет. По университетским годам вспоминал (они были в одной группе): он знал по себе, что такое учебная деятельность и что такое проба.

– *Как, на Ваш взгляд, отнесся бы Василий Васильевич к современным реформам в школьном и высшем образовании?*

– Я что-то не вижу реформ (*смеется*). К той реформе, к днепровской, которой он был соавтором, он относился хорошо. В 1992 году была игра в Сочи, в лагере «Ласточка», он всю нашу команду туда вывез, мы там готовили психологические основания реформы. В чем состоит сейчас реформа? Я могу сказать, что к слову «метапредметность» он, как и я, отнесся бы с отвращением. Вместе с тем он хорошо относился к Юрию Громыко, для которого это было ключевое слово. К слову «деятельность» он относился очень ответственно (чего можно было бы пожелать нашим современникам).

– *Если бы у Вас сейчас была возможность обсудить с ним современное состояние развития теории учебной деятельности, то какая бы это была проблема?*

– Условия инициации собственного действия (ученика) в образовании. Надо думать о *его* действии, инициировать его собственные действия; когда же они заменяются и замещаются учительскими, то это уже не проба. И тут есть интрига. Посредник, учитель должен уметь инициировать не повторение его «правильного» действия учеником, а построение своего собственного действия. Вот это первое, что я бы с ним обсуждал.